

(1)С того самого дня, как сыну передалось моё давнее увлечение марками, у меня кончилась спокойная жизнь. (2)Я снова стал вести существование дикого охотника за марками... (3)Я выменивал, выклянчивал, покупал, нервничал... (4)— Ну что ты волнуешься? (5)У мальчика это возрастная болезнь вроде кори. (6)Переломный этап в психике. (7)Это пройдёт! — убеждала меня жена. (8)Пройдёт... (9)Святое материнское заблуждение! (10)Если бы она знала, что из заначек, которые теперь значительно превышали мои бывшие дофилателистические потребности, можно было бы купить ей давно обещанную шубку, она не говорила бы так легкомысленно... (11)Филателистические бури продолжали расшатывать корпус нашего семейного корабля и вызывали всё усиливающуюся финансовую течь. (12)И во всём были виноваты марки! (13)В конце концов я смирился: они заставляли нас с сыном нырять в разные словари и справочники, каждый раз позволяли чувствовать себя первооткрывателями. (14)Мне уже мерещилась мировая известность моего выдающегося собирателя... (15)— Ну-с, брат, — обратился я как-то к сыну после вечернего чая, в блаженном предвкушении потирая руки. (16)— Мне удалось выцарапать две прелюбопытнейшие марочки Британской Гвианы. (17)Доставай-ка свой альбомчик... (18)— Понимаешь, папа... — сын посмотрел на меня распахнутыми до дна глазами. (19)— Я давно хотел тебе сказать... (20)У меня нет альбома... (21)— Потерял?! — всхлипнул я и в предынфарктном состоянии опустился на диван. (22)— Ну что ты, папочка! — снисходительно пожал плечами сын, видимо, несколько шокированный такой вопиющей глупостью родителя. (23)— Просто у меня сейчас нет альбома. (24)— Ага... — радостная догадка осенила меня. (25)— Ты на время дал посмотреть его своему товарищу? (26)Молодец! (27)А далеко он живёт, этот твой товарищ?! (28)— Папа... (29)Это мальчик, у которого парализованы обе ноги, над ним шефствует наша школа. (30)Он не может ходить, понимаешь, — совсем не может! (31)Никуда не может ездить.... (32)Разве в его коляске далеко уедешь? (33)Я подарил ему свой альбом... (34)Ты не будешь очень на меня сердиться, а, пап? (35)Я ведь могу пойти и в музей, и на стадион, и в кино, и потом, попозже, съездить в другие страны... (36)— А ты не жалеешь о своём альбоме? — безжалостно спросил я. (37)— Только честно? (38)— Да, папа, жалею... (39)Сначала — очень жалел, а теперь — чуть-чуть жалею... (40)Видишь ли, он так обрадовался, что даже заплакал. (41)Понимаешь, не кричал, не смеялся, а заплакал. (42)Неужели от радости тоже можно плакать?(43)А, пап? (44)И мне теперь очень-очень хорошо... (45)Так ты не сердисься? (46)Ну что я мог сказать? (47)У него в руках был целый мир — он щедро подарил его другому. (48)Это был мой сын, и он стал взрослым. (49)Поэтому я не обнял его и не поцеловал, как раньше, а только молча протянул ему руку. (50)И мы обменялись крепким понимающим рукопожатием...

(По Л. Куклину)